

М. П. ПОГОДИН

ПОВЕСТИ
ДРАМА

Михаил Петрович Погодин

Как аукнется, так и откликнется

В книгу вошла большая часть художественного наследия Михаила Погодина (1800–1875), произведения, созданные писателем в ранние годы жизни. Разноплановые повести Погодина — бытоописательные, авантюрно-приключенческие, построенные на фольклорном материале, содержащие в себе элементы социальной критики и сатиры, небезуспешные попытки набросать психологический портрет — достаточно характеризуют круг тем и направление творческих поисков молодого Погодина, нередко предугадывавших пути дальнейшего развития русской прозы. Наряду с повестями в сборник включена трагедия «Марфа, По-

садница Новгородская», получившая высокую оценку Пушкина как одна из первых в России «народных драм».

Содержание

#1	0006
ПРИМЕЧАНИЯ	.0027

М. П. Погодин
Как аукнется, так и
откликнется

Софья, молодая девушка, играющая главную роль в моем повествовании, дочь некогда богатых, после промотавшихся, благородных по рождению, но простых по уму родителей, была прекрасна собою. — И теперь еще, когда прошло лет двадцать после ее подвигов на сцене большого света, многие пожилые люди в Москве не могут вспомнить о прелестной без содрогания. — Как мила она была, говорят они, в легком кисейном платье, которое, чуть-чуть на плеча накинутое, всякую минуту, кажется, готово было спуститься... и взор нетерпеливый дожидался уже чуда, — в этой дымчатой косыночке, едва касавшейся до шеи! С какою ловкостью волшебница ее откидывала, закидывала, поправляла!.. А эти русые волосы, в густых локонах на плеча упавшие, эти голубые глаза, которые сверкали прямо в сердце, эти ножки быстролетные! — Или — другое явление — с каким искусством во время милой болезни *ни то ни се*, прославленной Дмитриевым [1], надевала она на голову простенький батистовый чепчик с узенькой кружевной оборкой! Надобно было любоваться, как он подвязывался под купидо-

новою ямочкою на подбородке! Надобно было любоваться на этот бантик в две петли из ленты голубой или розовой, на эту канифасную кофточку! Посмотрели б вы также ее на бале. Какая пышность! какой вкус! Как ловко умела она входить, выходить, кланяться на все стороны, оборачиваться, даже отворачиваться! Она вся говорила, и на ней все говорило... Как игрива была ее физиогномия! Всякую минуту, кажется, она переменялась, но всегда была одна и та же, всегда мила и прелестна. Поутру, после умыванья, румянец играл пятнами на нежных ее щечках; после обеда глазки ее покрывались какою-то масляною влагою, к вечеру все лицо разгоралось... Что же производили в чертах ее внутренние ощущения? На каждое чувство у ней было по лицу.

Софья была умна, то есть имела этот светский ум, живой и быстрый, с которым все говорит кстати, ничего лишнего: ее заслушивались в обществе, когда она начинала сыпать своими остротами и шутками. Другой славы она не искала, хотя, вероятно, и могла б получить ее: она думала только тогда, когда

говорила, и все внимание ее было устремлено на мнение большого света. Во всем, что касалось до приличий, сметливость ее обнаруживалась блистательным образом: в самом запутанном деле тотчас находила концы и узнавала место, на котором ей стать должно было, когда сказать, когда смолчать и улыбнуться, — знала, с кем надо говорить о богомолье, с кем о вчерашнем бале, с кем посмеяться над соседкою, пред кем разыграть смиренницу.

Софья была добра, но больше по инстинкту, нежели с намерением; она не понимала еще теоретического удовольствия в добре, может быть, потому, что суетная об этом не размышляла. Чувствования все скользили по ее сердцу; иногда можно было подумать, что у ней не было его. Никто из живших с нею вместе не мог сказать решительно, что знает ее мысли о себе. Ныне покажется, что она смеется над тобою, даже презирает тебя, завтра ты попадешь в милость и увидишь знак ее расположения. Иногда выводила она из терпения своими несообразностями, но никак нельзя было сердиться на нее; она всегда казалась каким-то существом особенным, о ко-

тором судить невозможно по другим людям, которое отдает отчет только себе; прельщает, когда хочет, и сердит, когда угодно. Власти над собою, разумеется, она не терпела, и малейший признак ее почитала личным для себя оскорблением. Любить ее можно было только, как милую прихоть в человеческом образе.

Но я довольно познакомил читателей с характером моей героини, и теперь могу приступить к описанию происшествия, на котором основывается моя повесть.

Софья явилась в свете в полном блеске молодости и красоты, богатства и роскоши, и была всеми принята с восхищением, всеми без исключения. Пылкая московская молодежь была без ума от нее.

Открылось обширное поле для ее завоеваний: но она долго не брала оружия и думала только о своем веселье, ездила на балы, гулянья для того, чтоб показать себя, посмотреть людей... прыгала, резвилась, смеялась, шалила...

Потом уже стала она осматриваться около себя и увидела толпы обожателей. Это было

очень приятно для ее самолюбия, и здесь начинается вторая эпоха ее деятельности. Она начала играть их вздохами, манить надеждою, ласкать то того, то другого и наконец — когда они становились смелее, отставляя с честью. — В самом деле ей никто не нравился: тот слишком умен,

*Тот не в чинах, другой без орде-
нов,*

*А тот бы и в чинах, да жаль —
карманы пусты!*

То нос широк, то брови густы! [2]

Таким образом в продолжении зимы отпустила она от себя дюжины две селадонов [3], которые, быв покинуты милою обманщицею, излили свои чувствования в стихах, заунывных и томных, в таком количестве, что даже проницательные журналисты наши никак не могли догадаться, почему беспрестанно присылались к ним тогда плаксивые элегии.

Забавляясь над сими селадонами, наслаждаясь могуществом своих прелестей, Софья была уверена по каким-то софизмам, что для счастья жизни ей довольно себя, что в супружестве не найдет она ничего особенного в на-

граду за принимаемое иго; но несмотря на это, ей не хотелось остаться и в полку престарелых девушек, которые, по ее мнению, разыгрывают печальную роль в нашем печальном мире. Она окинула взором стадо оставшихся сносных, по ее выражению, обожателей и стала искать... Вы удивляетесь этому слову, неопытные юноши, думая, что только вы ищете. Ах, друзья мои, поверьте мне, что *они* ищут, или, лучше, шарят больше нашего, но только тихомолком, но только умея сохранять во всем вид этого благородного самодовольствия, этого *не тронь меня*, которое держит нас в таком почтительном отдалении. И так она стала искать себе мужа.

«Какого же мужа стала она искать себе?» — естественно, спросит меня всякий читатель. Вот какого — слушайте.

Не бедного, не старого, не противного собою, не злого, не глупого, не... короче, такого, за которого можно было выйти, не нарушая правил благопристойности...

«Но что значат сии отрицательные требования? — подумает с удивлением читатель, — Софья могла иметь в виду партию блестя-

щую».

Ах, господа, как вы недогадливы! главного условия вы еще не знаете. Я хотел было умолчать об нем, надеясь на вашу опытность, а больше всего, не желая привести в краску некоторых (разумеется, не многих) дам наших и девушек. Софья искала мужа, которого бы могла водить за нос, или, другими словами, она не хотела выходить замуж, но хотела за себя взять мужа.

Пронский, богатый молодой человек, с сердцем и душою, влюбленный в Софью, долго смотревший на нее издали, провожавший всех ее обожателей, наблюдавший, кого и за что она отпускала, сметил наконец дело, догадался, чего ищет она, и прикинулся таким простячком, что Софье во время пробных разговоров с ним невольно представилась мысль: такого-то нам надо...

Но не таков-то был он. Пронский, служив долго в военной службе, при дворе, много путешествовав, прошед, как говорится, сквозь огонь и воду, смотрел на красавиц в оба глаза и протирал их себе часто. Он пленился Софьею, ее умом, красотой, странным характе-

ром, но и видел в ней великие недостатки. С волею твердою и решительною он надеялся, прибрав к рукам неутомимую, исправить ее по-своему и потом наслаждаться вполне ее прелестями. — Нашла коса на камень.

Предупредив таким образом моих читателей о намерениях Пронского, я стану продолжать рассказ.

Пронский начал ездить чаще в дом родителей Софьи, но, впрочем, не подавал вида, что ищет руки ее. Это еще более приводило в волнение его суженую.

*Красавицы! видал я много раз,
Вы думаете, что? нет, право, не
про вас:
А что бывает то ж с фортуною у
нас:
Иной лишь труд и время губит,
Стараяся настичь ее из силы всей;
Другой, как кажется, бежит со-
всем от ней,
Так нет, за тем она сама гонять-
ся любит. [4]*

Между тем наступал июнь месяц. — Дамы наши, отпраздновав первое мая в Сокольни-

ках [5] и Вознесеньев день в Дворцовом саду, закупив соломенные шляпки и тафтяные зонтики, начали разъезжаться по деревням проводить, или, лучше, уже провожать лето. Родители Софьи отправились в свою подмосковную, и Пронский приглашен был погостить к ним на несколько дней.

Здесь-то раскинуты были ему неизбежные сети, здесь-то начали его запутывать. Говорить ли мне о разных затеях софьиных? Для подруг ее это едва ли нужно... Но почему же другим не рассказать этого к сведению? Иногда Софья очень уставала во время прогулки, Пронский случался всегда вблизи и должен был вести ее под ручку, следовательно, ему давался случай осязать ручку, а какова была эта ручка?.. Иногда Софья, сидя за работным столиком, роняла ридикюль или что-нибудь другое, Пронский должен был поднимать и при таких случаях касался иногда ноги ее, которая, может быть (чего не скажет клевета?), подставлялась нарочно. Иногда посылала она его в свою комнату за нотами, книгою, а уединенная комната девушки чем не наполняет воображения! там воздух, кажется, другой,

пронзительный! — А взгляды, двусмысленные выражения, вздохи, бледность, румянец! — Наконец в танцах Софья могла обворожить хоть пустытника. Ах, друзья мои, танцы — ужасное изобретение, ужасное, говорю я, хотя и благодарю мудрую судьбу, что она не выучила меня танцевать. Я дрожал, бывало, на стуле, как на электрических креслах, смотря издали на кружившихся девушек. Как они мило устают, как они мило отдыхают!.. И я не понимаю, отчего так мало сумасшедших в большом свете? — Уж не оттого ли... но я не слушаю твоего шептания, демон злоречия.

Пронский наружно разнеживался, а внутренно восхищался умом Софьи, блиставшим во всех ее оборотах. Он заранее уже наслаждался счастьем в ее объятиях, начертывал план супружеского обхождения с нею и с удовольствием видел будущее изумление своей супруги, которая, выходя за Платона Михайловича[6], выйдет за...

(Здесь, читатели, я не могу удержаться от отступления и не пожаловаться публично на наших комиков. До сих пор сии злые наблюдатели человеческого сердца, с таким тщани-

ем собравшие коллекцию женских слабостей, не представили нам еще ни одного мужа сурового, строгого, жестокого, прихотливого (и столько мне теперь для примера нужного) — как будто бы их у нас и не было, как будто бы одни дамы у нас заслуживали укоризны, как будто бы они никогда не терпели напраслины. Я скажу торжественно, что это неправда, и насчитаю сам много, очень много кротких, спокойных, одним словом, совершенных супругов, которые страдают по несправедливым притязаниям своих супругов, например... например... но это все равно; имена их теперь не приходят в голову...)

Итак, Пронский, сказал я, с удовольствием предвидел изумление будущей супруги своей, которая, выходя за простяка, выйдет за мужа — голову. — Между тем, познакомившись покороче с Софьей, он уверился еще более, что все ее пороки не врожденные и происходят не от развратного сердца, а от недостатков воспитания, от легкомыслия; что в его руках она не узнает себя, и с удовольствием будет вкушать наслаждения семейственной жизни, на которые теперь ветреница смотре-

ла с презрением.

Дело подходило уже к концу, почти объяснялось — уже воротились все в Москву, уже Пронский начал заговаривать стороною с родителями Софьи, — как вдруг на беду получают они известие из Петербурга, что в Москву едет князь Г., сын вельможи, наследующий несметное богатство, происходящий по прямой линии от Свенельда [7], полководца Игорева, прекрасный собою, что Софья была бы счастлива, если бы ему понравилась, и проч. и проч. Старики сообщают тотчас полученное известие милой дочери.

Князь Г. действительно не замедлил явиться в Москве — молодой статный мужчина, в гусарском золотом мундире, с звонкою саблею и шпорами. — Софья познакомилась с ним на первом бале у графини О. и — и несмотря на прежнее решение свое дать руку Пронскому, несмотря на привязанность к нему, вероятно, ей самой неприметную, вздумала, может быть, из шалости, может быть, по самолюбию или просто по старой привычке, привязать князя на всякой случай к своей колеснице.

Берегись, Софья: кто погонится за двумя зайцами, тот не поймает ни одного, говорят охотники.

Князь Г., принятый в дом к ним, начал ездить довольно часто. Софье что-то померещилось (говорят, в таких случаях часто мерещится), и она начала думать внимательнее, начала рассчитывать и сравнивать. У него было 2000 душ лишних против Пронского — следовательно, Софье можно было давать с ним лишних бала два-три в год, иметь всегда модную карету, и мало ли еще какие выходы доставляют четыре тысячи трудолюбивых рук. Князь Г. имел обширные, блестящие связи в столицах; весь дипломатический корпус был с отцом его в самых дружеских отношениях. Пронский был один душою и, жив всегда в поле, не имел случая завести знакомства. — Наконец, князь Г. доставлял Софье титул вашего сиятельства, который в грубых ушах звенит очень приятно, несмотря на все справедливые толки философов, простых и трансцендентальных, о равенстве людей. Софья *приметно* начала колебаться, и это взорвало Пронского.

Он решился кончить дело поскорее и между тем *отмстить за непостоянство*.

Прежде всего надобно было отдалить князя Г. — Князь, сказать правду, принадлежал к числу сих благоразумных флегматиков, которые разогреваются очень медленно, а простывают очень скоро. Пронский, служив с ним прежде в одном полку и зная его коротко, надеялся легко склонить его на свою сторону и не обманулся в своей надежде.

Он, как старый знакомец, явился тотчас у князя, выведал стороною расположение его к Софье и узнал, что сей холодный гусар не чувствует к ней никакой решительной склонности, что любит ее теперь как умную и прекрасную девушку, однако ж не ручается за то, что будет вперед.

— Послушай, князь! — сказал ему в заключение наш хитрец. — Софья — невеста не по тебе. Ты еще не знаешь ее характера. Вот он каков... ладить тебе с нею будет трудно, успеть едва ли возможно. — Оставь ее. Ты найдешь партию и выгоднее, и сподручнее.

— Благодарю за советы, приятель! Но почему принимаете вы в ней такое участие? —

спросил князь, улыбаясь.

— Я любил ее страстно, хотел жениться на ней, думал, что и она чувствовала ко мне привязанность...

— А теперь?

— Что тебе до теперь? Я раскрываю дело, сколько нужно знать тебе, сколько оно касается до тебя лично. Прибавлю еще: я говорю как товарищ, который тер с тобою одну лямку, как честный человек: Софья не годится тебе. — Наконец предупреждаю тебя, что с отчаяния, может быть, решусь и на...

— Ты хочешь грозить мне?

— Нет, я не грожу, потому что это было бы бесполезно...

Довольный князь замолчал.

— Ведь ты не любишь ее. Это, видно, только шалость. Для друга — перестань шалить, — сказал наконец Пронский, прочитав на лице его решение для себя благоприятное.

— Дал ли ты Софье повод иметь на тебя какие-нибудь виды?

— Никогда, кроме обыкновенных вежливостей, она не слыхала от меня ничего.

— Следовательно, тебе не мудрено рас-

статься с нею и вывести ее из заблуждения. Завтра ты будешь у Софьи. Я приеду также и заведу разговор о петербургских твоих связях или о чем-нибудь подобном и дам тебе случай развить твои мысли об этом предмете самым ясным и вместе самым учтивым образом. Понимаешь ли?

— Так и быть. Бог с тобою. Владей, владей красавицей — но послушай, братец, ты должен уступить мне непременно этого пуделя.

— Изволь — хоть двух.

Друзья распили бутылку шампанского. Как сказано, так и сделано. На другой же день Софья с досадою узнала, что князь Г. вовсе не думал о браке с нею. Она обошлась с ним ласковее обыкновенного, чтоб занавесить досаду на неудавшиеся планы, и между тем обходилась ласково, и даже нежно, с Пронским. Так было в продолжение следующего времени. Казалось бы, что здесь должно быть концу, что Пронский станет ковать железо, пока оно горячо. Кстати ли? Вдруг его стало не видно. — Говорили, что он уехал в какую-то деревню.

Наконец, чрез несколько дней он является

снова. Софья принимает его с заметным удовольствием.

— Где скрывались вы так долго? Я спрашивала об вас у всех знакомых.

— Мне должно было посетить одного моего несчастного друга. Но я вознагражден за свою жертву и с вашей стороны. Я вижу теперь, что вы заметили мое отсутствие.

— Как вы злы! Разве подала я вам повод сомневаться в этом? Но оставим это. — И начали говорить о другом.

Недели через две, в продолжение коих Пронский был томен, глядел всегда на Софью почти официально, хотя и робко, и проч. и проч., разговор как-то вследствие искусных его оборотов обратился опять на его отсутствие.

— Могу ли я, — спросила Софья, — не нарушая скромности знать о несчастьи вашего друга?

Пронский того и ждал.

— Он несчастлив, сколько человек может быть несчастлив, а это уже очень много. — Короче, он влюблен без памяти и без надежды.

— Бедненький! я сожалею об нем, но скажите мне: он открывался в своей любви и получил отказ?

— Нет. Он боится и говорить об ней.

— Так почему же он не имеет надежды?

— Из всех действий своей прелестницы заключает он, что она к нему равнодушна.

— Долго ли он вздыхает по ней и при ней?

— Судя по его страсти, он, кажется, родился с нею: узнал же ее слишком два года — нет — виноват — полтора года.

Дело приближается к концу, замечают читатели. — Неправда!

— Так позвольте же мне вступить за честь моего пола, — сказала Софья с лукавою улыбкою. — Верно, вашему другу недостает проницательности. Верно, он смотрит и не видит: никакая женщина не может быть столько жестокою, никакая не будет держать около себя так долго человека, к которому не чувствует привязанности

— Вы так думаете... Вы очень добры... Что ж бы вы присоветовали моему другу? — спросил Пронский с видом больше чем участия.

— Я советовала бы ему принять меры ре-

шительные и просить у нее руки.

— Вы советуете? — спросил он с восторгом.

— Да, да.

— Этот несчастливец — вы видите его перед собою. Это я.

— И неужели эта жестокая красавица — я! — сказала Софья, наклонясь умильно головою.

— Не вы, не вы, — воскликнул Пронский, захохотав изо всей силы.

Злодей!

Представьте себе положение Софьи. Она остолбенела, не верила глазам, ушам своим. — Напрасно Пронский начал тотчас после говорить ей что-то... она ничего не слыхала и упала в обморок, настоящий.

Испуганный, бросился он тотчас за горничною. Начали оттирать Софью, обливать водою, духами, спиртом. — Наконец она очнулась и стала озираться мутными глазами. Пронский выслал служанку под каким-то предлогом и упал к ногам Софьи.

— Я люблю вас, Софья, простите меня за шутку. Ею хотел я только отмстить на минуту за...

— И вы смеете, милостивый государь, быть еще на глазах моих? — сказала она, почти задыхаясь от гнева. — Вы дерзки. Я могла унижаться на минуту, но ненадолго. — Прощайте! — и ушла в другую комнату.

Какова?

Пронский остолбенел в свою очередь. Он ошибся в своем расчете. Он думал было, что Софья после такой сцены не решится отказать ему, что он может сыграть над нею шутку безопасно. Но она поддержала свой характер. — Что оставалось ему делать? Он отправился домой, проклиная сто раз и свои планы, и свои расчеты, и все на свете.

Между тем он не мог жить без Софьи и решился написать к ней страстное письмо. — Ответа не было. — Он начал заходить с правой и с левой стороны, чтоб выхлопотать себе свидание. Не тут-то было. Софья мучила его. Он мучился, но не унывал, и чрез несколько месяцев — после разных многократных попыток — добился до того, что Софья на каком-то бале только что выслушала его, потом позволила ездить к себе в дом, отклоняя, однако ж, предложение родителям по разным причи-

нам — и наконец, уже заставив Пронского горько раскаяться в необдуманном своем поступке, заставив подписаться на такой договор, какой едва ли был и будет в летописях супружества, она дала ему свою руку.

Я не могу только сказать моим читателям и читательницам, с успехом ли исправляет Пронский свою Софью. — Но, Софьи, зачем доводить себя до исправления? Зачем забывать, что истинное счастье вкушается только в семейственной жизни, что его должно искать не в мазурках, не в вальсах, не на вечерах, но в глубине своей души, своего сердца?

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в альманахе «Урания» на 1826 г., с. 156–190. Написано в Знаменском летом 1825 г.

Примечания

...во время милой болезни ни то, ни се, прославленной Дмитриевым — отсылка к сказке И. И. Дмитриева (1760–1837) «Модная жена» (1792): «Не так чтобы больна, не так чтобы здорова. А так... ни то ни се...»

[^^^]

2

Тот не в чинах и далее — цитата из басни И. А. Крылова «Разборчивая невеста» (1806).

[^^^]

Селадон — волокита.

[^^^]

Красавицы! видал я много раз и далее — цитата из басни И. А. Крылова «Тень и человек» (1813).

[^^^]

5

...отпраздновав первое мая в Сокольниках — 1-го мая в Сокольниках устраивалось народное гуляние.

[^^^]

6

Лицо в комедии г. Грибоедова «Горе от ума».

[^^^]

Свенельд — воевода X в., варяг по происхождению. При князе Игоре (ум. 945 г.) руководил военными походами.

[^^^]